

Она долго молчала, а затем, словно вздохнув, тихо произнесла:

— Одна ладонь не звучит. Если бы у тебя не было дурных мыслей, ты бы не поверил ни одному слову того шарлатана, даже если бы он расписал всё в самых ярких красках.

Услышав это, советник Лю, распростёртый на полу, замер. Он осторожно поднял голову, пытаясь разглядеть что-то в глазах госпожи Лю, но не обнаружил в них того зловещего блеска, который бывает у мстительных духов.

Госпожа Лю снова вздохнула и поманила его рукой:

— Подойди ближе.

Пожилая женщина, видимо, от природы была человеком кроткого нрава: её голос оставался мягким, хотя в нём отчётливо сквозила безнадёжность. В этой безнадёжности не было ядовитой злобы, и советник Лю, поколебавшись, подполз к ней. В его глазах даже промелькнула искра надежды — в конце концов, разъярённый мстительный дух не стал бы так разговаривать, возможно, всё ещё можно исправить.

— Посмотри на свою мать, — снова негромко сказала госпожа Лю.

— Я действительно давно так пристально не смотрел на матушку, — осмелев, добавил советник Лю.

Госпожа Лю посмотрела на него и вдруг замахнулась — звонкий шлепок!

Хлёсткий звук удара застал всех врасплох, и люди на мгновение остолбенели. Советник Лю схватился за пылающую щеку, не скрывая крайнего изумления.

— Матушка, вы... — он едва мог вымолвить слово.

— Ох... У меня тоже руки зачесались, — заметил Сюэ Сянь.

Сюань Минь промолчал.

Советник Лю, вероятно, был настолько шокирован, что даже не расслышал бормотания Сюэ Сяня. Он долго сидел, прижимая ладонь к лицу, прежде чем смог прийти в себя:

— Я... я ничего не мог поделать, правда, не мог! Я пригласил того мастера только ради тебя.

Пробормотав это, он словно нашёл оправдание своим поступкам:

— Изначально я позвал того заклинателя ради тебя. Твоё здоровье становилось всё хуже, ты

постоянно скрючивалась от боли, а бестолковый лекарь из семьи Цзян твердил, что одна болезнь тянет за собой другую и исцеление невозможно. Только тогда я решился вновь искать помощи у мастера. Матушка, ты, может, не понимаешь, но твоя северо-восточная комната — особое место. Тот мастер сказал, что если его правильно обустроить, оно может вернуть жизнь даже мёртвому. Я ведь хотел, чтобы тебе стало лучше. Но... ох...

— Разве в северо-восточной комнате не жил твой младший сын Лю Цзинь? — озадаченно спросил Сюэ Сянь.

Советник Лю, как раз делавший паузу в своих стенаниях, машинально ответил:

— Цзинь-эр переехал туда позже!

— Я знаю, — внезапно отозвалась госпожа Лю, долго хранившая молчание. Она смотрела на советника Лю, словно погружаясь в воспоминания: — Ты не только поселил меня в хорошую комнату, но и каждый день заходил спрашивать о самочувствии, подавал чай и воду. Даже когда я слегла и уже не могла встать, ты при первой возможности прислуживал у моей кровати... Матушка всё помнит.

Люди — существа крайне противоречивые. Если сказать, что он был несыном, то нельзя отрицать, что он исполнил свой сыновний долг. Если сказать, что он был истинно преданным сыном, то как же быть с тем, что, послушав пару слов заклинателя, он тут же заточил родную мать под фундамент усадьбы? Использовал, когда было нужно, не теряя ни капли выгоды.

— Но... — вдруг добавила госпожа Лю, — только когда я оказалась заточена здесь, я поняла, как именно ты получил эту хорошую комнату. Ты обменял на неё жизнь моего Чуня.

— Этот удар — за Чуня! — выпалила госпожа Лю и, не раздумывая, снова замахнулась.

Хлесткий звук удара!

Второй шлепок пришёлся на другую половину лица советника Лю.

— Этот удар — за того лекаря из семьи Цзян, — медленно произнесла госпожа Лю. — В последние мои дни ты ведь подменил лекарство, которое он прописал, не так ли? Хоть сознание моё и было затуманено, я всё же могла отличить вкус подмены. Ты рождён мной, и я понимаю, что у тебя на уме... — она покачала головой и вздохнула: — Ты просто увидел, что матушке не становится лучше, и решил, что быть таким заботливым сыном для полуживого человека — слишком утомительное занятие, не приносящее плодов. Репутацию ты себе создал, этого достаточно. А потом, выслушав рассказы того пройдохи-заклинателя, решил поскорее отправить мать на тот свет, не так ли?

Советник Лю сидел на коленях, лишившись дара речи.

— Ты сделал то, что сделал, но не должен был перекладывать вину на лекаря семьи Цзян. Хотя в те дни я уже не могла открыть глаз и говорить, я слышала, как шептались служанки. Ты оклеветал честного врача, превратив его в шарлатана, сгубившего жизнь. Совесть тебя совсем не грызёт?

Старушка закрыла глаза. Её дух, освобождённый из заточения, не мог долго поддерживать форму — её силуэт становился всё прозрачнее, черты лица начали размываться:

— Я — твоя родная мать, Чунь — твой сын. В семье свои счёты, с чужими — свои. Три года я крутила для тебя жернова, считай, выплатила долг материнства. А Чунь, проживший в этом доме столько лет, пусть послужит оплатой за те двадцать лет, что ты его кормил... Что же касается твоего долга перед семьёй Цзян — иди и выплати его сам.

— Матушка, матушка, что вы имеете в виду? — советник Лю вскинул голову, его лицо выражало растерянность и страх.

— Если ты кому-то задолжал, значит, задолжал. Этого не стереть, долги всегда нужно возвращать. — Госпожа Лю напоследок пристально посмотрела на него, затем обернулась к Сюань Миню: — Мастер, мне пора в путь?

Она, видимо, приняла Сюань Миня за монаха, который проводит обряды упокоения, и тихо спросила его об этом.

Сюань Минь опустил взгляд и указал на жернов. Не дожидаясь ответа, госпожа Лю кивнула, будто поняла его без слов. Она посмотрела на Лю Чуня. Тот глупый малый, всё ещё рыдавший в три ручья, поднял голову. Он не совсем понимал слова бабушки, но внезапно почувствовал, что она уходит:

— Бабушка... ты... ты хочешь спать?

— Да, бабушка очень устала, — ласково ответила госпожа Лю. — Мне пора отдохнуть.

— А я смогу увидеть тебя, когда буду сжигать бумажные деньги?

— Всё, что ты скажешь, бабушка услышит. Может, ты и не увидишь меня, но бабушка будет... всегда смотреть на тебя.

Сказав это, она обернулась и исчезла внутри каменного жернова.

Сюань Минь опустил руку, поднял жернов, подобрал лежащего на полу бумажного Цзян Шинина, который принял свой истинный облик, и направился к выходу.

— Мастер! Мастер! Моё лицо... — советник Лю опомнился и, спотыкаясь, бросился следом. Он дрожащими руками ощупывал своё лицо и кричал: — Почему оно так распухло?!

Сюань Минь бросил на него короткий взгляд.

Щёки советника Лю раздулись до невероятных размеров, и на них проступили два отчётливых отпечатка ладоней. Кроваво-красные следы выглядели страшно: кожа в тех местах стала тонкой, как бумага, а под ней, словно паутина, проступили вздувшиеся синие вены. Зрелище было пугающим.

— Мстительный дух не может коснуться живого человека, — произнёс Сюань Минь.

За мгновение лицо советника Лю опухло так сильно, что ему стало трудно говорить:

— Тогда почему я...

— У обиженного духа есть одна возможность восстановить справедливость, — ответил Сюань Минь. — Оставить след на теле обидчика.

Советник Лю с ужасом спросил:

— И что будет после того, как она оставила след? Она вернётся, чтобы забрать мою жизнь?

Сюань Минь холодно ответил:

— Этот след оставлен не для неё самой, а для твоего сына Лю Чуня и лекаря семьи Цзян. Всё, что их тела и души претерпели из-за тебя, вернётся к тебе.

Око за око.

— Не уходите, не уходите, спасите меня! Мастер, умоляю, спасите! — советник Лю рухнул в ноги Сюань Миню и, переступая на коленях, намертво вцепился в подол его монашеского одеяния.

Сюэ Сянь, притаившийся за поясом Сюань Миня, внезапно подал голос:

— Эй, Лю! Отвечай! В этом году, в середине лета, ты был в Хуамене, Гуандун?

Советник Лю в панике решил, что вопрос задал Сюань Минь, и затряс головой:

— Нет-нет, никогда не был в таких далёких краях.

Ответив, он снова заныл, умоляя о спасении.

— Как такое возможно? — холодно бросил Сюэ Сянь.

— Чистая правда! Ни слова лжи, как я смею обманывать вас? — советник Лю был готов биться головой о землю, лишь бы доказать свою искренность.

Но как такое возможно? Если он не был в Хуамене, то откуда взялась Кровавая печать?! Сюэ Сянь уставился на кровавый след возле его уха, на который первым указал Сюань Минь, и почувствовал нарастающее раздражение, смешанное с недоумением.

— Если ты хоть в чём-то солгал...

— Не смею, не смею... Ах, постойте! — советник Лю, цепляясь за жизнь, внезапно просиял. — Точно! Раз уж речь зашла о Хуамене, я припоминаю одного человека оттуда, рыбака. Мы не были знакомы близко, но я купил у него одну бусину, с виду золотую, но не совсем...

— Бусину?! Как она выглядела? — Сюэ Сянь перебил его, внезапно вспомнив тот странный гул, который он слышал перед тем, как угодил в ловушку. — Где эта бусина сейчас?

Советник Лю съёжился и пробормотал:

— Она...

— Чего ты мычишь?! Громче! — если бы не ситуация, Сюэ Сянь был готов прибить его на месте.

— Тот заклинатель сказал, что в бусине много духовной энергии, и вплавил её в этот каменный жернов... — советник Лю вжал голову в плечи.

Сюэ Сянь: «...» Твою мать! Ты вплавил Тело Истинного Дракона в жернов? Почему ты сам себя туда не засунул?!

От ярости Сюэ Сянь потерял сознание и обмяк.

Сюань Минь, заметив, что он затих, снова двинулся в путь.

— Вы не можете уйти, не можете! Спасите меня! — советник Лю вцепился в полу халата мёртвой хваткой.

Сюань Минь посмотрел на него сверху вниз и внезапно присел. Он прошептал несколько слов на непонятном языке — это звучало как древняя сутра. Затем он ударил советника Лю тыльной стороной ладони по лбу. Тот почувствовал такой удар в голове, будто зазвенели тысячи колоколов.

— Печать... она снята? — пролепетал он в надежде.

Сюань Минь спокойно ответил:

— Это лишь гарантия того, что долг будет уплачен сполна.

Советник Лю застыл. Сюань Минь вырвал из его рук край своего одеяния, встал и пошёл прочь.

Советник Лю пришёл в себя и пополз следом, выкрикивая:

— Буддизм... буддизм всегда славился своим милосердием!

Сюань Минь, не оглядываясь и широким шагом уходя в ночь, холодно ответил:

— Я никогда не практиковал милосердие.

* * *

Сюэ Сянь, придя в себя после обморока, в полудрёме услышал какой-то звук, доносившийся из-под пояса монаха — короткое «дзынь», словно где-то далеко ударили в колокол. Его вновь охватила слабость, и он провалился в небытие надолго...

Когда он снова открыл глаза и осторожно высунул голову из тёмного кармана, то обнаружил, что находится уже не в усадьбе семьи Лю. Сюэ Сянь осмотрелся: это была спальня — аккуратно застеленная постель, тёплый свет ламп, лёгкий аромат древесины и едва уловимый запах лекарств. Сюань Минь стоял у круглого деревянного стола. На столе лежали: бумажный Цзян Шинин, жернов из дома Лю, свёрток ткани, медный таз с чистой водой и набор фарфоровой посуды. На ручке чайника было выгравировано: Резиденция Отражения Облаков.

Это была лучшая комната в постоялом дворе.

Резиденция Отражения Облаков... Сюэ Сянь повидал немало мест: шумные трактиры для студентов и купцов, вездесущие гостиницы с банальными названиями вроде «Радость» или «Удача». Но такие названия, как «Резиденция Отражения Облаков», которые звучат скорее как пожелание отправиться на тот свет, могли прийти в голову только полному идиоту.

Очевидно, этот лысый — как раз из таких.

Сюэ Сянь увидел, что Сюань Минь старательно моет руки в тазу. Нужно признать, у этого монаха удивительно красивые пальцы — длинные, тонкие, белые. Он двигался неспешно, словно совершал священный ритуал, и даже в обычном мытье рук была видна его невозмутимость.

Сюэ Сянь не удержался:

— Твои движения... как будто ты кого-то хоронишь.

Сюань Минь, не поднимая глаз, ответил:

— Именно так.

— Кого? — спросил Сюэ Сянь.

— Госпожу Сюй.

— Госпожу Сюй?

Из каменного жернова донёлся тихий вздох:

— Благодарю вас, мастер.

Кто же это ещё мог быть, как не госпожа Лю?

Сюэ Сянь с каменным лицом поднял голову:

— Я... кхм, долго проспал? Ты даже успел вывести фамилию старушки?

Он хотел сказать «был в обмороке», но признаваться в том, что его довели до потери чувств, было стыдно — ради чести дракона он заменил это на «спал».

Сюань Минь вытер руки белым полотенцем:

— Пять часов. Уже наступила ночь.

Сюэ Сянь: «...» Почему таких невыносимых зануд до сих пор не сбросили в крепостной ров?

Он был так разгневан, что решил замолчать. С этим лысым невозможно вести нормальный диалог!

Сюань Минь проигнорировал его, развернул свёрток ткани, достал стопку жёлтой бумаги и кисть. Возле таза стояла чашка с разведённой тушью. Сюань Минь написал на листе несколько иероглифов: «Сюй, род Лю. Год Бин-инь, 23-й день седьмого месяца».

Затем он свернул бумагу, поджёг её от свечи и положил на жернов. Бумага горела необычно медленно, оставляя на камне тёмные следы пепла. Сюань Минь держал в руке благовоние, позволяя краю листа догореть до конца.

— Ты проводишь обряд упокоения? — не выдержал Сюэ Сянь.

Он уже видел такие обряды — когда толпа монахов усаживалась вокруг гроба и сутками бубнила сутры, отчего у него самого начинала трещать голова. С тех пор он при виде монахов сразу чувствовал острую боль в висках.

Он боялся, что Сюань Минь собирается выть семь дней и семь ночей, и был готов выброситься в окно, лишь бы этого не слышать.

Сюань Минь медленно крутил в пальцах благовоние, тонкая струйка дыма окутывала жернов, распространяя аромат сандала:

— Очистить руки, написать имя, возжечь благовония, прочитать сутры — так провожают усопших.

Он действительно собирался читать сутры! Сюэ Сянь без лишних слов попытался выбраться из кармана.

Сюань Минь покосился на него:

— Что ты опять задумал?

— Умереть. Прыгнуть вниз.

— ...

Сюэ Сянь, конечно, прыгнуть не успел — он просто вывалился из кармана и приземлился на стол. Он попытался добраться до края, но Сюань Минь ухватил его и вернул на середину стола.

Этот монах был донельзя придирчив, и ничуть не напоминал истинного святого — это было ясно по его привычкам и выбору номера в гостинице. Сейчас он, непонятно с чего, решил, что Сюэ Сяню не помешает «разгладиться». Он бесцеремонно прижал его пальцами к столу, а затем придавил сверху тяжёлым каменным пресс-папье.

Сюэ Сянь мог высунуть лишь голову, две тонкие ноги и краешки лап. Он пытался вырваться, но пресс-папье было непоколебимым.

Сюэ Сянь: «...» Твою дедушку!

Сюань Минь больше не обращал на него внимания, сосредоточившись на благовониях. Когда благовоние почти догорело, он тихо прошептал несколько слов, и это было всё «чтение сутр», которое он себе позволил.

Когда бумага и палочка догорели до конца, Сюань Минь постучал пальцем по жернову, который три года держал душу госпожи Лю. Раздалось несколько хрустящих звуков, и

тяжёлый, казалось бы, несокрушимый камень раскололся на части.

В тот же миг раздался призрачный голос госпожи Лю:

— С души словно гора свалилась. Пора в путь. Спасибо вам.

Сюэ Сянь увидел, как из жернова выскользнула призрачная тень и исчезла вместе с пеплом от бумаги. В тот момент, когда жернов развалился, в комнате дважды что-то звякнуло — словно колокольчик, пронесённый ветром с далёкой улицы.

Из центра расколотого камня на стол выкатилось что-то круглое.

Дзынь! Дзынь!

Сюэ Сянь почувствовал, как предмет прокатился по столу и ударился о его затылок:

— Что за дрянь?! Кто посмел швыряться в меня? Разбить его!

Сюань Минь протянул руку, и катящаяся бусина упала ему прямо в ладонь. Он поднёс её к глазам:

— Золотая бусина размером с овечий глаз.

Сюэ Сянь замер:

— С овечий глаз? Золотая бусина?

Вот оно! Он так и знал! Золотую бусину, возникшую из Тела Истинного Дракона, не мог просто так «переплавить» какой-то шарлатан! Тот заклинатель просто грубо запечатал её в камень.

Сюэ Сянь пришёл в восторг, но тут услышал слова Сюань Миня:

— Понятно. Раз она такая дерзкая, лучше её разбить.

— Нет! Стой! — если бы не пресс-папье, Сюэ Сянь бы подпрыгнул. — Посмей только тронуть её, и я прибью тебя!

Сюань Минь спокойно ответил:

— Теперь ты стал «зрячим»?

— Стал, — буркнул Сюэ Сянь.

— Не будешь разбивать?

— Не буду! Это моя вещь, кто посмеет её коснуться!

— Твоя? — Сюань Минь был невозмутим. — Как докажешь?

Сюэ Сянь решил пойти на хитрость:

— Ладно, убери эту тяжесть, я докажу.

Сюань Минь бросил на него взгляд:

— Достаточно слов.

— ...

Сюэ Сянь был готов выплюнуть свои кишки ему в лицо. Но золотая бусина была слишком важна. Находясь в руках этого монаха, он чувствовал себя подчинённым и вынужден был подчиниться.

Он ровным, безжизненным голосом произнёс:

— Поднеси её к пламени свечи, и увидишь...

Там должно было быть видно свернувшегося дракона, но в обычном состоянии это было почти невозможно заметить. Однако Сюэ Сянь, прикусив язык, добавил:

— Увидишь внутри изогнутые узоры. Ты видел, чтобы обычная золотая бусина была прозрачной на свету?

Сюань Минь поднёс бусину к свече. Действительно, обычное на вид золото стало слегка прозрачным, и внутри проступили очертания тонкой линии.

— Змея, — сказал Сюань Минь.

Сюэ Сянь: «...» Змея твоя бабушка!

Он с трудом сдержался, позеленел от ярости и прошипел:

— Поверил теперь? Убери свою проклятую железку! Отдай мне мою бусину!